

и что говорить. И Я знаю, что заповѣдь Его есть жизнь вѣчная. И такъ, что Я говорю, говорю, какъ сказалъ Мнѣ Отецъ“. „Развѣ ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ? Слова, которыя говорю Я вамъ, говорю не отъ Себя: Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла“ (Іоан. 14, 10). „Пославшій Меня есть истиненъ, и что Я слышалъ отъ Него, то и говорю міру“ (Іоан. 8, 26). „Ничего не дѣлаю отъ Себя, но какъ научилъ Меня Отецъ, такъ и говорю“ (Іоан. 8, 28). „Мое ученіе не Мое, но Пославшаго Меня“ (Іоан. 7, 16). „Не любящій Меня не соблюдаетъ словъ Моихъ, слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшаго Меня Отца“ (Іоан. 14, 24).

Самъ Толстой, безъ сомнѣнія, сознаетъ, что христіанское ученіе не могло быть произведеніемъ обыкновеннаго человѣческаго ума. Въ своеобразной передачѣ онъ приводитъ изреченіе Іоан. VII, 17: „Кто хочетъ узнать объ этомъ ученіи—*отъ Бога ли оно*, пусть исполняетъ его“ (Подлинное изреченіе гласитъ такъ: „Кто хочетъ творить волю Его (Бога), тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю“). По этой же причинѣ въ разбираемомъ сочиненіи ¹⁾ Толстой не говоритъ, что это ученіе *преподалъ* *человѣкъ* Христось, а называетъ его только „*приписывавшимся* *человѣку* Христу“. Кто же его *приписывалъ*? Почему оно было приписываемо именно *человѣку Христу*, а не кому либо другому? На эти вопросы Толстой не отвѣчаетъ; они для него какъ-бы вовсе не существуютъ. Но этого мало; какъ отвергнуть длинный рядъ историческихъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ евангелистамъ, апостоламъ, ученикамъ апостольскимъ, христіанскимъ апологетамъ и писателямъ первыхъ вѣковъ, еретикамъ и литературнымъ врагамъ христіанства, евреямъ-талмудистамъ и даже языческимъ римскимъ писателямъ перваго и начала втораго вѣка—Тациту, Светонію и Плинію Младшему, по единодушному утвержденію которыхъ никто другой, а именно Исусъ Христось, распятый при Понтіѣ Пилатѣ, *начальникъ вѣры* христіанской, преподавалъ людямъ особенное ученіе и учредилъ религіозное

¹⁾ Ч. 1 стр. 73.